

Искусство молодости

Балет — искусство молодости. Юны герои балетных пьес, сама исполнительская техника требует молодого здоровья. Еще недавно большинство артистов должно было бесплодно тратить лучшие годы в ожидании благоприятного случая, который позволил бы им выдвинуться. Тяжко чувствовать в себе силу и не быть в состоянии приложить ее к любимому делу, ощущать, что есть у тебя талант, а проявить его негде.

В СССР артисты избавлены от этой печальной доли. Даровитую молодежь выдвигают, о ней заботятся, поощряют, помогают развиваться.

Г. К. Фарманянц на сцене всего несколько месяцев. Вступив осенью 1940 г. в богатую талантами балетную труппу Большого театра, молодой 19-летний артист не затерялся среди них. Кто следит за жизнью балета, тот помнит Г. Фарманянца в китайском танце в «Шелкунчике», в сарацинском танце в «Раймонде», в роли арапа в «Руслане и Людмиле», Зефира в «Иване Сусанине», Нурали в «Бахчисарайском фонтане».

Роль Мосия Шило, которую молодой артист получил в «Тарасе Бульбе», обратила на него общее внимание.

В танце, как и в песне, выражается душа народа. Много есть на свете плясок, степенных и лихих, изящных и буйных, но ни одна из них не сравнится с мужским украинским танцем, в котором рельефно выказалась вся могучая натура создавшего его народа. Это — самый мужественный из всех мужских танцев. Мощь, удаль, ловкость, решимость, красота — словом, все качества, которыми народ щедро наделяет своих любимых героев, соединились в этой пляске. Показательно самое ее строение, сочетание вольных, как вихрь, прыжков и присядки. Прыжок требует силы, смелости, ловкости; присядка — устойчивости. Пляска — своеобразный символ. Движения говорят не о физических только, но и о внутренних душевных свойствах человека. Трезвая деловитость и безоглядная порывистость, упрямая сила и горячность неукротимая перемешаны были в натуре запорожца, как присядка и валеты в его пляске. Танец Мосия Шило построен на классической основе, но в нем отраженно играет огненный отблеск народной украинской пляски.

Сечь... Уже сивоусый запорожец, осушив несколько полных ковшей вина, прошелся присядкой, лукаво погрозив кому-то пальцем: дескать, врешь, не обманешь, я совсем и не пьян — и тут же свалился. Уже и Остап с Андрием показали свое молодечество казацкому кругу. Вот тут только и замечаешь впервые Мосия Шило. Правда, ничто в его облике не напоминает того описанного Гоголем жилистого, коренастого, бывалого казака, который «не раз атаманствовал на море и много потерпел всяких бед». Он и слишком юн, да и невысок и не краксив. На нем жулан огненного цвета, красные, как жар, шаровары, копьё в руке. В лице выражение отчаянной, беспашанной удалы.

Танец начинается несколькими раз de basque, служащими подготовкой к великодушному прыжку. Тело танцора выгибается в воздухе, как туго натянутый дук, ноги откинута назад. Несколько мгновений он как бы парит над землей и вдруг падает на присядку. Потом следует ряд скачков через подставляемые другими запорожцами копыя, которыми они словно хотят ударить плясуню, а он мелькает и вьется над ними, точно живой лоскут перебегающего проворно пламени. И снова он на земле. Попржнему не выпускающая из рук пикки, он теперь точно плетет цепочку (шенэ) из стремительных поворотов вокруг собственной оси. Но вот копьё отброшено. Прыжки становятся еще вольнее и шире. Танцор, взметнувшись вверх, кружится в воздухе и падает на колено, опять взвивается, подбивает одной ногой другую и опускается наземь, вскакивает и вертится, легко перекидывая все свое небольшое, крепко сбитое тело. Можно, конечно, перечислить движения в их последовательности, сказать, что вот сейчас он с двойного saut de basque опустился на колено, что эта комбинация повторилась трижды, как трижды повторилась комбинация из кабриолей и переходов на присядку, прыжком кабриоль делалась в одну сторону, а

Слева — Г. Фарманянц в роли атамана Шило в балете В. Соловьева-Седого «Тарас Бульба». Справа — Е. Фарманянц в роли сарацинки в балете А. Глазунова «Раймонда»
Фото А. Воротынского

присядка в другую; можно назвать все шенэ, туры, перекидные жетэ, прихотливые прыжки, во время которых движения ног танцора напоминают движения рук атлета, выжимающего тяжелую гирю.

Молодому артисту, конечно, еще рано почивать на лаврах. Он многого добился, но может достичь еще большего. Любое искусство требует труда, а сценическое в особенности, ибо артист является одновременно и творцом и произведением искусства. Не полагаясь на свои выдающиеся природные способности, Г. Фарманянц должен неустанно развивать их.

Евгения Фарманянц старше брата. Ей 20 лет. Она третий год на сцене. Исполняет она преимущественно танцы «полу-характерные», т. е. такие, в которых классические каноны не всегда соблюдаются, элементы классики перемешаны с элементом характерных плясок. Это — танцовщица гибкая, легкая, выразительная, темпераментная, а главное, умная. Она понимает, что делает. В ее танце все не только прочувствовано, но и продумано, взвешено. И в этом сочетании ума и чувства — достоинство ее исполнения.

Артистка прекрасно передает стиль произведений, которые ей приходится исполнять. Казалось бы, такой эмоциональной танцовщице, как Е. Фарманянц, должен быть глубоко чужд «китайский танец», насквозь условный, отражающий старое представление о Китае, как о стране фарфоровых забавных безделушек, мандаринов, размеренно покачивающих головами, точно в сказках Андерсена. Все движения жеманны, проникнуты манерной грацией, локти прижаты к бокам, руки стиснуты в кулаки и только указательные пальцы остро выставлены вверх да голова кивает в такт движениям ног, выбрасываемых вперед, как на пружинах.

Когда после этого видишь Е. Фарманянц в сарацинском танце в «Раймонде», кажется, будто из кукольного фарфорового мирка шагнул прямо на сцену.

«Раймонда» — это хореографическая повесть о борьбе между чувственной и целомудренной любовью, повесть полусимволическая. Чувственное начало тут воплощено в ряде живых образов, а не только в лице преследующего Раймонду Абдеррахмана. В сущности все пляски сопровождающих араба невольников и невольниц — лишь вереница сменяющихся друг друга плотских наваждений, греховных искушений, соблазнов. Томные и бурные, прятные и злойные, они преследуют одну цель — пленять, обольщать. И всего полнее эта мысль выражена в сарацинском танце, стремительном и вкрадчивом, полном какой-то недоброй ласковости. Танцовщица в своем восточном наряде странного ядовито-зеленого цвета болотной травы изгибается, припадает к земле, вскакивает, мелькает, точно блуждающий огонек над трясиной.

И брат и сестра Фарманянц еще очень молоды. Их сценический путь только начинается. Трудно предугадать, как он сложится, предсказать все его извивы. Но у обоих артистов в крови есть тот кусочек солнца, то творческое горение, жаркая любовь к искусству, которые должны предохранить от опасности остановиться на месте. А в искусстве движение вперед — самое важное.

В. ИВИНГ

387